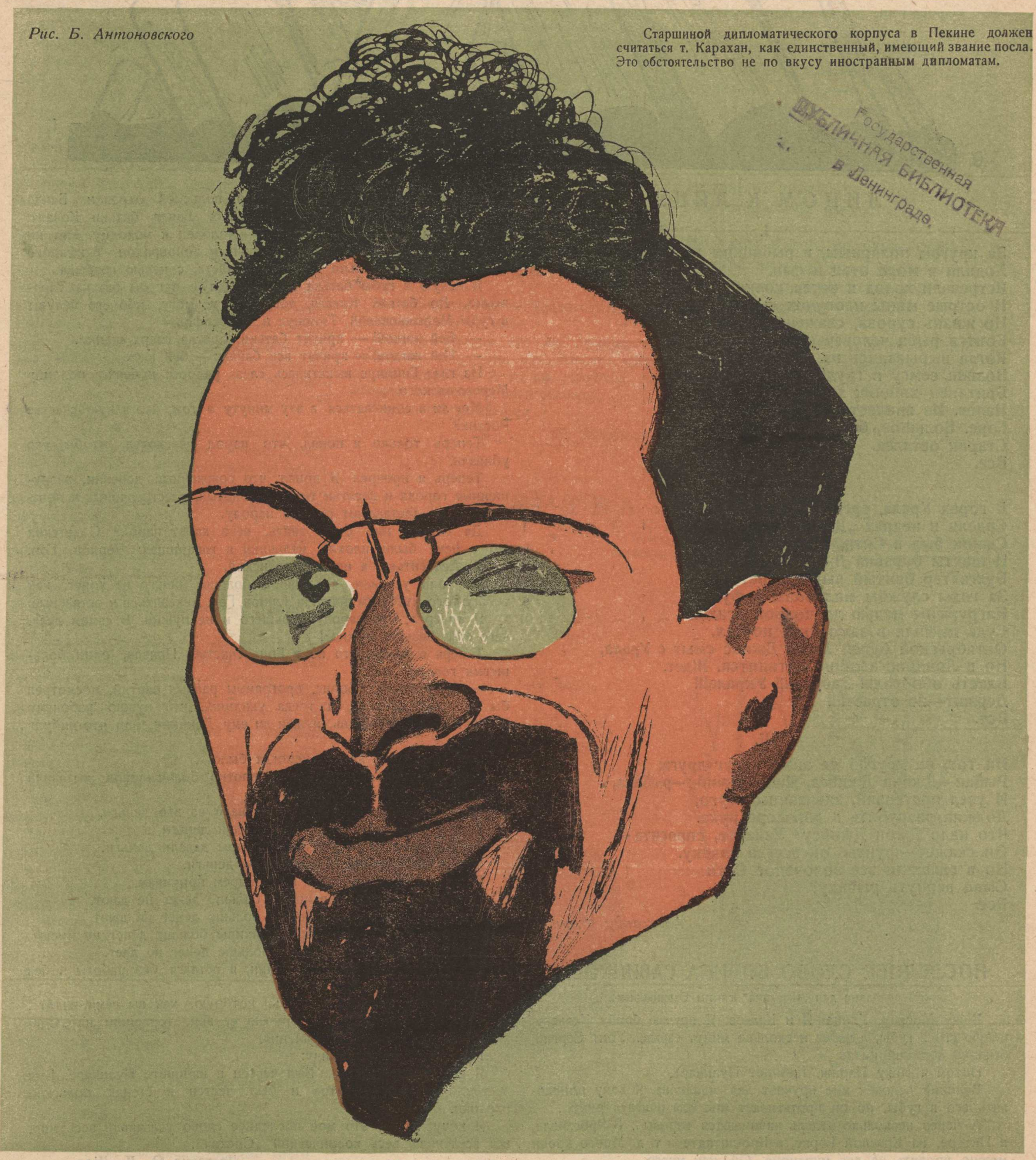
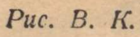
№ 17

СМЕХАЧ

СЕНТЯБРЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

— В чем же тут соль? Голова Карахана? А корпус?
— А зачем корпус рисовать? Корпус обыкновенный: дипломатический. А голова-то советская. В ней вся соль.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

I.

За кругом полярным, в рыбацком поселке
Ходили в море отец и сын.
Встречали холод и ветер колкий,
И острые мины пловучих льдин.
Но жизнь сурова, слажена просто;
Боится рыба человечьей руки —
Когда вырывались из лап нордоста,
Возили семгу и груды трески.
Британец -хищник хозяйничал в море.
Налет. Из винчестера сын убит.
Горе. Большое, бесслезное горе:
Старик остался. Сын зарыт.
Все.

II

В горах Урала, средь рудных наследий,
Сидели в недрах „Джон Джибс и Сын".
Сынок был в Сити, гнал цену меди,
И шахты буравил Джон Джибс один.
Бухгалтер бритый вывел в остатке
За годы службы миллионы в фунтах.
Нагружены медью до полной осадки
Суда дымили в заморских портах.
Октябрьской бурей Джон Джибс смыт с Урала,
Но в Лондоне злобой щетинится. Ждет.
Власть обобрала! Забрала!! Украла!!!
Держит—не отдает!!!!
Все.

III.

Ни тот, ни другой не знают друг друга:
Рыбак—Джона Джибса, Джон Джибс—рыбака,
И узел претензий, завязанный туго,
Должна разрубить в договоре рука.
Что надо Джон Джибсу? Узнайте, спросите —
Он скажет—фунты, он всегда начеку.
Но в силах-ли все золоченое Сити
Сына вернуть рыбаку?
Все.

Александр Флит

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БОРИСА САВИНКОВА.

(Переделано для „Смехача" самим Савинковым).

Вижу Москву. Улица. Я и Каляев. Я вручаю бомбу Каляеву, целую его в губы, а через несколько минут взрыв... Убит Сергий, бывший великий князь.

Потом я вижу Париж. Кабинет Пуанкаре.

Великий человек мне вручает два миллиона. Я хочу поцеловать его в губы, но он протягивает мне для поцелуя руку...

А через несколько недель начинаются взрывы... В Ярославле, в Питере, на Красной Горке, в Кронштадте и т. д. Много крови можно пролить на два миллиона. Ой, как много.

Потом я вижу Варшаву. Двор польской охранки. Банда батьки Кныша. Банда батьки Тараненко. Банда батьки Коваля. Много банд. Много батек. И все — молодец к молодцу. Нет ни одного, который не был бы гениальным конокрадом. У каждого за спиной по несколько десятков убийств, с целью грабежа.

Я целую в губы батька Кныша. Целую в губы батька Тараненко. До батька Коваля добраться не могу, ибо его целуют в губы Мережковский, Гиппиус и Философов.

— Бей жидов! — кричат батьки, бросая вверх шапки.

— Бей жидов! — кричат все банды: — бей всех.

Из глаз Гиппиус выкатилась слеза радости и бежит по лицу Мережковского.

Мог-ли я сомневаться в эту минуту в том, что я кую счастье России?

Теперь только я понял, что народ не хотел, чтобы его убивали.

Теперь я прозрел Я понял, что сожженные деревни, разрушенные города и десятки тысяч заколотых, расстрелянных и повешенных не доставляют счастья народу.

Да откуда мне было знать, чего хочет народ? С детских лет у меня были плохие мальчики в товарищах: Чернов, Гоц, Азеф, Авксентьев, а потом Керенский.

Все они уверяли, что народ больше ничего не хочет, как только того, чтобы им правили Чернов, Гоц, Авксентьев и остальные.

Я поверил, что народу большего и не нужно. В самом деле, чего еще больше нужно?!

Теперь я понял, что не в Гоце счастье. Правда, один большевик говорил мне:

— Взял бы ты, Борис, программы разных партий, посмотрел бы их, как следует, и тогда увидишь, что̀ нужно рабочему и крестьянину. Увидишь, нужен ли ему Деникин, или что-нибудь другое.

Я и собирался, да все некогда было.

Должен еще сознаться, что против большевиков заставили меня выступить четыре причины.

Первая причина — французы давали на это деньги.

Вторая причина — англичане давали деньги.

Третья причина — русские банкиры давали деньги.

Четвертая причина — все давали деньги.

Теперь я прозрел, тоже по четырем причинам.

Причина первая — французы больше денег не дают.

Причина вторая — англичане больше денег не дают.

Причина третья — русские банкиры больше денег не имеют.

Причина четвертая — никто больше денег не даст.

По причине этих всех причин, я остался без работы и без денег.

Осталась у меня одна честь, которую, как вы сами видите, я берег, как зеницу ока... Вручаю ее вам, товарищи из „Смехача", для бережного сохранения.

Пред всем миром кричу:

Я всегда был честен. Был честен в кабинете Пуанкаре. Был честен в стане бандитов и был честен в стенах польской охранки.

Я хочу, чтобы это мое последнее слово услышали весь мир, вся вселенная, весь космический „Смехач".

Доставил ***О. Л. Д'ор.***

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Говорят, что буржуям живется худо. Вздор. Ерунда. Отлично живется.

Я, по правде сказать, и сам раньше сомневался относительно ихней хорошей жизни, но, спасибо, один знакомый управдом рассеял мои сомнения.

Вот чего он мне рассказал.

— Дом наш не маленький, — начал управдом,— на три улицы выходит. Население людей в нем плотнеющее. Сто квартир. Из них—700 жильцов, 230 детей и, кроме того, много домашних животных: кошек, например, собак и курей. Козы тоже есть. Сорок три козы.

А, несмотря на это, дом наш ужасно какой бедный и недоходный.

Все, как на грех, живет в доме мелкий жилец, некрупный в смысле денег — рабочие, скажем, служащие и безработные. А большой ли с них доход? Доход такой, что не только какой-нибудь ремонт ремонтировать, а и водопроводного крантика не починить.

И какая, глядите, полная несправедливость наблюдается! В одном доме хороших жильцов—буржуев—очень множество напихано, а в нашем доме чисто. Всего-на-всего единственный один почетный квартирант— торговец Василий Васильевич Кучкин. На нем, голубчике, только и дом держится. А он, шельма, Василь Васильевич, премного это чувствует. — Я,—говорит,— вас чертей пою и кормлю.

Ну, а мы, действительно, оберегаем его, голубчика. Дышать на него боимся. Дворнику Игнату я велел прямо-таки во фронт становиться, ручки по швам велел ему брать, когда, например, Василь Васильевич по двору проходит.

Окошки тоже ему через неделю моем, безработную поденщицу нанимаем.

Все боимся, как бы он, единственный буржуй наш Василь Васильевич Кучкин, не рассердился на нас и не съехал бы с квартиры.

Бывало, я самолично начищу медную ручку на парадной двери, а он, Василь Васильевич, все же морщит личико.

— Что, —говорит,—ручка да ручка. Что, говорит, ручек что ли я не видел? Я, говорит, единственный буржуй в вашем доме, а вы—ручка. Ванну, говорит, мне ставновите.

Ладно. Поставили ему ванну. А он, голубчик, все будто скучный ходит, ручки назади держит и носик морщит.

Как увижу я его в такой позе—сердце зайдется. Не надумал бы чего.

— Чего вы,—спрашиваю,—Василь Васильич, ваше степенство, столь грустные ходите и ручки позади себя держите? Все, говорю, хорошо и прекрасно. Ванну вам поставили, дворник Игнат уважение вам оказывает. Чем, говорю, недовольны?

А он, голубчик, печальным тоном отвечает:

— Что вы, говорит, мне в нос ванну тычете? Плевать, говорит, я хотел на вашу ванну. Меня говорит, налоги третируют. И вообще, говорит, недоволен я государственной политикой... Вот, говорит, съеду от вас—поплачете.

— Батюшка, — говорю, — Василь Васильич, побойся бога... Не иначе, говорю, как это финансовый инспектор вас третирует. За что-ж, говорю, дому-то страдать?

А он руками махает и все стращает: дескать, съеду.

Но все же не съехал. Живет и посейчас. И даже наше уважение принимает.

А живет он у нас больше года. За это время я ужасно как похудел и осунулся. Желтизна у меня даже разлилась. Желчь. Меня жильцы даже узнавать перестали. А которые узнают, те еще издеваются, зачем, дескать, такое уважение мелкой домашней буржуазии оказываю.

А как же не оказывать? Как же его, голубчика, не беречь? А вдруг он, тьфутьфу заболеет?,

Он и то однажды заболел. Сегодня еще был здоров, а тут случилась погода мокрая. А он, Василь Васильевич, без галошек был вышедши. Я, конечно, сразу дворника Игната послал с галошками. А Василь Васильич заартачился. Пустяки, говорит, не горазд мокро.

Пустяки пустяками, а дом страдай.

Заболел наш Василь Васильевич и слег.

Ну, переполох в доме. Врача вызвали. После—консилиум.

А он голубчик наш, буржуй единственный, при сильном жаре и при расстройстве всего организма, капризничает:

— Помру,— говорит.—Замучили вы меня, черти. Пущай весь дом пропадает и рушится

Но помереть ему не удалось. Отстояли. Поставили его на ноги.

А теперь желаем его на черноморское побережье отправить, для полного поправления здоровья. А то он, голубчик, еще кашляет и носик у него заложен.

Только бы согласился.

М. Зощенко

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Нередко администраторы делают попытки бороться со стенными газетами.. Но им можно сказать заранее: руки коротки!

(Из резолюции Центр. Бюро рабкоров-коммунальщиков).

Бывало, „Правда“ или „Труд“
Дадут суровую оценку —
Есть утешение и тут:
Рычи, ярись и—лезь на стенку!

А нынче—прямо гнев небес!
Зав, прочитав заметку эту,
Полез на стенку—и налез
На рукописную газету!

Зав вниз со стенки кувырком...
Кто слышал о подобной чуши?
И раньше знали мы о том,
Что стены-мол имеют уши,—

Но уши—вздор, но уши—тлен,
От них ни горя и ни муки,
А вот теперь—когда у стен
И уши, и глаза, и руки!

Что ни строка, то мрачный гроб!
С души—и с той снимают пенку!
И нет свободной стенки—чтоб
Лезть беспрепятственно на стенку!

А. А. А.

ЖЕРТВА ОСЕННЯЯ

Вместо сигнала, стрелочники вынуждены пользоваться зелеными ветками. *(Из газет).*

Рис. М. Черемных

— Вот и сигнализируй: все деревья дочиста голые! Эх! подлый климат.

ОСТОЛБЕНЕЛОЕ

Рис. Б. Антоновского

На дорогах вводится счет на километры. *(Из газет).*

— Что же это, товарищ,— версты на километры переписали, а столбов не переставили?!
— А пошто переставлять? Прямиком-то, может, и вышел бы километр, а по нашим ухабам, все едино, верста.

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР.

Провинциальный клуб имени Розы Люксембург. Мрачная, сырая комната с полуотставшими обоями. На стене портреты Троцкого, похожего на Луначарского, и Луначарского, ни на кого не похожего.

В углу, за столиком с шахматами—обалдевшие от скуки и пива сотрудники откомхоза.

— Игранем...

— В какой руке? А?

— В левой. Твои белые.

— Что?! Белые?!! Чтобы я играл белыми?! Белых, дорогой мой, к стенке бы надо, а не играть...

— Товарищи! — страдальчески вмешивается завклуб, — в интересах спорта и техники... Белые, можно сказать, не при чем. Условность одна, а не политическое значение. Прошу соблюдать тишину и не плевать на пол.

— Кому нет, а ком-м-му да... Не допущу контрр революции... Никаких белых...

Через пять минут игроки договариваются. Белые условно считаются красными, черные — тоже. Партия начинается.

— А я твоего офицера съем.

— Офицера? Это у тебя, дорогой, золотопогонник, а у меня, извини, красном...

— Хорош красном, когда коня испугался!

— Не испугался, а только он у меня — по пешей части. А вот пешку-то твою того...

— Пешку! — в свою очередь обижается партнер, — думаешь, что сам 15-го разряда, так остальные для тебя пешки? У нас, брат, пешек нет. Это тебе не старый режим.

— Позволь, — морщит лоб первый, — в этом ты, пожалуй, и прав. Только как же так?

Партнеры смолкают и растерянно смотрят друг на друга.

— Товарищ завклуб, — не выдерживает первый, — пач-ч-ему пешка?.. Не жжелаю...

Завклуб мученически дергает щекой (третьи сутки, не переставая, болит зуб) и тоскливо предлагает:

— А вы их сотрудниками считайте. На равных правах.— и некстати заканчивает: — в интересах спорта и техники. Прошу не курить...

Партия продолжается. Бо̀льшая часть сотрудников сокращена. Краскомы мирно покоятся на дне ящика. Красные черные наступают на красных белых.

— Гардѐ женотделу. Берегись! — зловеще предостерегает первый.

— Кому? — недоумевает второй.

— Женотделу. Ввот... Кому королева, кому ферзь, а по мне — женотдел.

— Женотдел! — восхищенно повторяет партнер и, вдруг, умиляется и лезет целоваться.

— А это ты, Мишка, здорово... Вот это ввинтил! Все шахматы на новый быт перевел!

Партия заканчивается. Новый быт безжалостно перекрасил все. Ладьи переименованы в тракторы, шахматная доска — в совхоз. Оба женотдела бесславно вышли из боя. Красные белые позорно загнаны в угол. Противник задумывается, икает и наносит последний удар.

— Шах и мат Наркомату! — торжественно объявляет он и победоносно откидывается на спинку стула.

— Что?!—багровеет партнер:—мат Наркомату??!! Да а тебя... Да знаешь ли ты... Не допущу! не позволю!!

И шахматная доска, описав траекторию, с грохотом падает на пол.

Свэн

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

— Вот говорят, деревне далеко до города, а мне пишут из деревни: при каждом-мол доме ясли имеются. А у нас на весь город десятка не насчитаешь.

ТАЙНЫЙ ПИОНЕР

Жоржик разделся, становясь на молитву.

— Баста.

— Чего?

— Баста.

— Начинай: „боженька, спаси маму, папу, няню“...

— Чего спасать? Небось не тонут.

— Жоржик, „боженька“... ну, начинай. Смотри в угол.

— Боженька? Где?

— В углу.

— Паутина там...

— Ай, ай, как стыдно... Вот боженька и покарает тебя. Молись. За всех нас богомолец будешь.

— Не хочу быть богомолец, хочу быть комсомолец. Я теперь тайный пионер. И Васька тоже пионер!

— Чего?

— Пионер.

— Ага, ладно, куплю тебе пиону красную-красную и георгину куплю. Молись...

— Нет, нянька, не про цветы я, авангард...

— Ладно и виноград... Молись.

— Ой, нянька, какая ты смешная! Авангард международного пролетариата. Поняла?

— Ой, какие слова! Уж не сглазили-ли ребенка, прости, господи!?

— Нянька, лондонскую конференцию знаешь?

— Инфлуэнцию знаю, болела... Да ты молись скорей, спать пора.

— Мы, пионеры, не молимся.

— Батюшки-светы, уж не родимчик-ли? Дай головку — не горячая-ли...

— Брось, нянька, буржуазные замашки...

— Ой, Боже мой... Что я твоей маменьке скажу? Не доглядела, я старая.

— Скажи мамочке, чтобы купила мне красненький галстучек...

— Ладно, ладно, — и красненький, и беленький, и синенький...

— Да нет же нянька. Только красненький, самый красненький, как земляничное мороженое, как борщ без сметаны, как кровь из носа. А теперь я спать хочу.

Во!

И больше ничего!..

Исидор Гуревич

В ОГНЕ ВОССТАНИЙ

Рис. А. Радакова

Трудовые массы не пошли за меньшевистскими „вождями“, и авантюра потерпела крах *(Из газет)*

Английский „рабкор“: **Сэр, будьте добры показать славных участников вашего героического восстания.**
Грузин: **Восстания? Ты, кацо, ошибку давал. Зачем в Грузию ехал? поезжай в Индию — увидишь.**

„НОВОЕ ИМЯ“

— Вы крестили вашего ребенка или октябрили?

— Октябрил.

— Какое-же вы дали ему имя?

— Иван.

— Позвольте, но что-же тут нового?

— Какже-с! Имя наиновейшее. Я произвел его от сокращения фразы: *И*ди *в* *а*вангарде *н*арода.

К. Ш.

НА КУЛЬТФРОНТЕ

— Ну как у вас дела с новым учебным годом?

— Учебный-то год новый, да средства старые.

ИНДЮК

(Басня)

Нижеследующим бледно-вороным посвящаю.

Пугая хворостиною слегка,
Мужик гнал Индюка
На рынок.
Надулся наш Индюк, но без заминок
Спешил вперед, чтоб избежать кнута.
И Гусь кричит ему из-под куста:
—„Постой... Не важничай. Куда такая спешка?
Брось чваниться да червяков поешь-ка.
Чай, не работа спешная в виду?“
Индюк залопотал преважно, на ходу:
—„Не видишь, что-ль? Я... мужика веду.“

* * *

Иной, коль о достоинстве хлопочет,
Вот так же, как Индюк, лопочет,
Раздует хвост и, с видом вожака,
Бежит под хворостиной мужика.

Иван Прутков.

БЛЕДНО-ВОРОНОЙ

Борисом Савинковым написана заграницей новая книга „Конь вороной“.

Рис. Н. Радлова

Керенский (по радио): **Эх-х-х, Боря!.. Объехал ты меня на вороном коне!...**

СТРАДАЛЕЦ.

ПОХИЩЕН
револьвер системы „Наган“ № 33093 и 6 боевых патрон. Считать недействительным. 1602

КИКИ
пиши твоей МЕРИ ЭРВИН на наши старые адреса. 3725

(Как ни странно, — из московской газеты).

Хмурый человек в обвисших штанах, перекрученном галстуке и со вчерашним меню в бороде, тусклым голосом жаловался жизнерадостному, как гонорар, врачу.

— Главное-же горе мое, — спать до смерти боюсь. Игра ума всяческая и, вообще, видения.

— Так-так, — благодушно поддакивал врач, — ну, а что ж, например?

И пациент рассказал.

Энного числа-месяца, в разгар белого дня, в священный кабинет редактора заглянул гундосый Трофим, престарелый телохранитель, и совершенно нелепо, ни с того ни с сего, глупо подмигнул озадаченному редактору.

Не успел редактор изумиться, как раздалось какое-то бряцанье, и в кабинет вошел —

— Велосипед № 39045.

Плавно подкатившись к ошарашенному редактору, велосипед вежливо сделал ручкой, педалью — и с наглым звоном плюхнулся в кресло.

— Умираю! — мелькнуло в голове редактора. — Сели без передовой...

И похолодел с нижней части.

— Я извиняюсь и поражен, но .. — прошептал он смертным голосом.

— Никаких „но“. — Твердо ответил велосипед. — А насчет извиненья, вы правильно. Следует. Потому, нешто ж мыслимо про меня, про безвинную пролет-машину, этакую ересь писать?! Вот... полюбуйтесь-ка... Ваша газеточка... разутешила.

Велосипед № 39045 вывернул правую педаль и, расстегнув седельную сумку, добыл смятую вырезку.

Строчки двоились и прыгали в редакторских глазах, а промасленная бумажка дрожала в холодной руке.

„Ограбление велосипеда“ ... — Гм... — читал он. ... „Вчера утром на Сокольничьем круге... ограблен велосипед №.... на коем ехал гражданин...“ То-ест как-же это? — испуганно спросил редактор, силясь понять заметку. — Вас-ли ограбили лично, или... гражданина?... Странно как-то.

— Да, —.уж чего странней! — всхлипнул велосипед. — Уж и то смеются с меня все товарищи, спрашують, — как же это тебя-то ограбить ухитрились? Проходу нет... Нет, уж, пожалуйте опровержение-с... А то хоть с моста в воду скатывайся...

— Так-с. — Нахмурился врач. — Ну, а еще виденья бывали?

— Не говорите, — сказал хмурый человек и заплакал.

— Тре... третьево дни, вот... Только-только глаза завел, — цап меня за ногу кто-то. А кто, не понять... И голос этакий, ровно-бы из недр.

— Где Кики? Я, конечно, в испуге, — что, мол, за Кики? А голос свое, —

— Отвечай, растудыкин сын, — почему он не пишет?

Ну я, конечно, за... заплакал, — не знаю, я говорю, ваших дел, лучше уж я на комиссию... А тут вдруг раз и этот самый Наган.

— Наган?

— Понятно, Наган, и даже к самому носу, —

— Так я, говорит, недействителен? А ежели я сейчас тебя по лбу, шестью-то па... патронами!?!

— Брррр!... — И пациент зубами по стакану с водою.

— Дальше?

— Да дальше уж некуды ..— зарыдал хмурый человек, — дальше видно газету бро... бросать надо и... вовсе, видно, с ума я сойду-у-у...

— Что-ж, — задумался врач. Газету — это верно, вы бросьте. Полезнее будет. Ну, а насчет того, чтоб с ума вам сойти, — так зря нечего и беспокоиться. Потому у вас для этого нет, решительно, никаких оснований.

Леонид Саянский.

ПУГАЧ

Пусть осень небо красит серым.
Бульваром Васька мчится вскачь,
На зависть прочим пионерам,
В его кармане есть пугач.

Вон там, с лицом обрюзглым малость,
Колышет дама толстый зад.
Как Ваське, что-б она „шпужалась“,
Не израсходовать заряд?!

С восьмого номера Валерик,
Что у отца сдан боннам в плен,
Еще вчера тихонько в сквере
Склонял Васютку на обмен.

Сулил ему блаженства горы
И обещал дать, за пугач,
Картинок разных целый ворох
А на придачу новый мяч.

Но Васька тоном, полным веса,
Интриг распутал хитрый бант:
„Мой батька, — слышь-ка, парень! — слесарь,
А твой, известно,—спекулянт.

Для брата нашего вы язва —
Отец твердит частенько нам.
И, коли ленинцем я назван,
Из рук оружья не отдам...

Свои картинки лучше крась-ка
Об пугаче-ж и не судачь.“

* * *

Не он-ли, босоногий Васька,
Для мира дряхлого пугач?

К. Шелонский.

НЕ'ВИННАЯ Д'ОСАДА

Рис. В. Козлинского

Такая маленькая крепость и столько осаждающих!..

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ

На старый хмель хоть воды взлей..
Пословица

В одном городе—называть его не стоит—собрались издавать еженедельный журнал с иллюстрациями.

— На довоенную ногу! Примем за образец лучшие старые журналы... Пригласим старых спецов...

За спецами дело не стало: редактировать журнал пригласили бывшего редактора журнала „Звонарь“, а он уже, со своей стороны, порекомендовал и выпускающего, и завхуда — старых опытных работников, знатоков своего дела.

— Как бы назвать наш журнал?

Вопрос о названии — один из самых трудных.

— Надо, знаете-ли, с одной стороны подчеркнуть традиции, а с другой стороны...

— Понимаем — с другой стороны чтобы революционность чувствовалась — догадались спецы... — Лучше всего использовать старое название...

— Красная Нива!

— Есть такой журнал... Красный Огонек!

— Неудобно: у „Огонька“ тираж отбиваем... Красная Родина!

— Красное Лукоморье! Красное Солнце России! предлагали, наперерыв, сотрудники.

— Красный Синий Журнал!

— Нет, не подходит... Вот хорошее название было: „Журнал Журналов“. Красный Журнал Журналов...

— Уж тогда лучше—Красный Журнал Красных Журналов — революционнее...

На этом и остановились. Программа: стихи, рассказы, иллюстрации, смесь,— как и прежде, но надо, чтобы иллюстрации были новейшие, писатели и поэты—самые революционные.

Стали приносить материал, и скоро редактор представил коллегии почти готовый подбор материала. Иллюстрации — снимки с картин самых новейших и самых революционнейших художников, под названием: „Готовятся к манифестации“—две девушки шьют у раскрытого окна, „Партизаны“ — оборванные люди греются у костра в зимний день, „Красный пионер“, „Волчата“...

— Прелесть картинки! — восхищался редактор — а революционность какая... Посмотрите только на „Волчат“ — сколько коммунистического сознания, сколько твердости и верности заветам Ильича на этих детских лицах!.. Партизаны... Вы видите перед собою смелых бойцов...

* * *

Литературный материал оказался не лучше: рассказ из Нивы о раскаявшемся разбойнике, переделанном в белогвардейца, при чем, звон колокола был заменен звуками интернационала; эпизод из кавказской войны, переделанный в эпизод из гражданской войны, и стихотворение за подписью *В. Андрианов.*

— Это что за поэт такой? Не слыхали...

— Прислали со стороны — отвечал редактор—а стихотворение недурное...

Заинтересовались, прочли.

— Да, ведь, это же Бальмонта стихотворение!

— Чем же плохо? Бальмонт хороший поэт, довоенный... А если н удобно — мы так сделаем: прибавим в заголовке: стихотворение бывш. Бальмонта, а внизу подпись: В. Андриянов.

Журнал удался на славу. Объявление о выходе в свет первого номера гласило:

Красный Журнал Красных Журналов
еженедельник довоенного образца
печатается в типографии бывш. „Восход и Закат“, под редакцией бывш. редактора журнала „Звонарь“ и при участии бывш. сотрудников всех лучших бывш. журналов.

Адрес: Бывш. Дворянская улица, д. № 3 бывш. Петрова, напротив ресторана бывш. „Якорь“.

Мих. Козырев.

Рис. Ив. Малютина

ЧТО У КОГО БОЛИТ

— Удивительно: нынче начинают строить с ворот... А какой для них двор нужен, а какой будет домище?! Вот это, я понимаю, масштаб!

МЫ и ОНИ

Рис. А. Радакова

— Руки прочь от Китая!   — Руки прочь... Китаю!

МЕДВЕДЬ И СТРЕКОЗА

(Басня)

Постановлением особой комиссии при секции МОНО моссовета все частные балетные хореографические школы, студии, классы и групповые занятия закрыты.

(Из хроники).

Медведь, большой ценитель меда,
Прослышал, что на танцы нынче мода,
Что весь честной народ,
Зверье и птицы всех пород —
С восхода, напролет,
До нового восхода —
Танцуют вальсы, польку и фокстрот.
Мишук собрался в путь. Мишук не ждет:
Плясать он хочет тоже.
Чай, отставать от остальных не гоже?
К Плясунье-Стрекозе в танцкласс
Шагает он тотчас,
Боченок меда прихватив подмышку
С ужимками встречает Мишку
Плясунья-Стрекоза
И, закатив глаза,
Пищит: „— Я не возьму излишку:
За вальс — полпуда, за фокстрот
Такой-же счет.
За польку-ж
Столько-ж".
И вот
Учить Медведя принялась ретиво.
Вертит беднягу так и сяк!..
Из-за угла глядят на диво
И ёж, и суслик, и хомяк.
— „В позицию поставьте ножки.
Вот так. Слегка носочки врозь.
Теперь пройдитесь по дорожке
Смелей, смелей!
Зверюги бьют в ладошки.
Кряхтит медведь — ну, совестно, хоть брось!
В поту, дымясь от пару, —
Умаялся Мишук, а Стрекоза
Вот так, кругом, и вьется, егоза,
И для фокстрота с Мишкой встала в пару.
Командует: — „Вперед назад... Вперед!
Ведь, вы не дуги гнете, а фокстрот!
Побольше плавности!"
— „Довольно! Погоди ты!
Повремени!" — Медведь ворчит сердитый.
„А, чтоб ты лопнула!!" свирепо он завыл.
На землю сел, затылок чешет лапой.
Ну, кавалер! — мохнатый, косолапый...
А где-же Стрекоза-Плясунья?
Задавил...

Иван Кузьмич

ВЗЯЛИСЬ ЗА УМ

Рис. В. Козлинского

В Саратове дом сумасшедших выписал больных в одном нижнем белье.

(*„Известия“*).

— Куда это, граждане, в одних исподних? Съума вы сошли, что ль?
— Наоборот: только сейчас из сумасшедшего дома вышли.

ОДИН КОНЕЦ

1.

Бывают такие удивительные речи, которые производят громадное впечатление на слушателей. Казалось бы, — по мнению опытных агитаторов, отпускник Ерцев-Перцев говорил и не складно, и так, что половины не разберешь, а на деле получилось, что обалдуевцы, просто, в раж пришли. Вот так, то-есть, поняли, что школа им нужна, что робят учить необходимо, что зима надвигается. а в школе стенка наружу поползла; и когда отпускник Ерцев-Перцев указал, что для школы хорошо бы приспособить церкву, то ни одна душа не сделала возражения.

А после того, как постановление насчет школы внесли в протокол, сейчас же выбрали делегацию и—прямо к отцу Свистопатру.

— Отдавай ключи! — рявкнул Ефим Огородников, — довольно всяческого! Клади ключи на бочку! Теперь будет не церква, а школа.

Пришли в церковь и мигом все распределили: здесь будет доска висеть, здесь ученики сядут, здесь учит..

Но тут вмешался Иван Замазкин. Он пожелал узнать „конечно, это очень даже приятно, но хорошо ли, что учитель будет сидеть спиною к елтарю и какой это пример для учеников?“

Пришлось подумать и единогласно решить, что сидеть спиною к алтарю — грех

Тогда Никита Наливкин предложил повесить доску на боковую стенку, чтобы к алтарю все были боком, но его мигом оборвал Софрон Пузя, который совершенно не мог понять, как это можно сидеть спиной к святителям, а особливо к великомученику Софрону, который изображен на боковой стене!

Так как положение создалось аховое, то пришлось вызвать на подмогу Епенета Глистова, который все знает. Епенет снял шапку, причесал седые, как лунь, волосы, пошевелил мозгами и объявил, что ежели мир уже постановил, чтобы школа была в церкви, а по причине святительского окружения, никак нельзя сделать так, чтобы какого нибудь угодничка не обидеть, а потому школу можно поставить только в церковной калавурке.

2.

Пришли в калавурку. Видят, — сидит сторож на корточках перед печкой и картошку варит.

— Ах, ты, такой сякой клопиум народа, — набросился на него Ефим Огородников, — тут люди о школе хлопочут, а он картоху варит! Довольно темноты! Очистить! Сей минут очистить!

— Погодь, — попросил сторож, — доварится, тогда и очищу.

— Что ж, — пообмяк Ефим — подожать, можно, особенно, если масло будет подсолнечное. Мутит меня, братцы, с конопляного.

— Конечно, — ядовито бросил Иван Замазкин, — только которые духовного звания, — те и можуть подсолнечное трескать.

— Дам, дам подсолнечного, — сердито ответил сторож, — не скули только!

Делегаты покушали картошки с маслом, вытерли губы полой кожуха, перекрестились на иконы и собрались уходить.

— Что же вы, анафемы, — угрюмо поинтересовался сторож, — только картоху есть приходили? Своей дома нету?

— Ах, чтоб те! — изумились делегаты, — про дело-то и позабыли. Ну, спасибо, что напомнил. Школа у тебя в калавурке будет.

— Здрасте! — поразился сторож, — горшок картох съели, я им масла первый сорт поставил, а теперь школа! А я куда же?

— Невдобь, — сказал Софрон Пузя, — человека забижать. По-свински выходит, — у него же поели и его же выгоняем.

— Школа, школа! — снова раскрыл рот сторож, — рази ей здесь быть? Для школы дом нужен с отопляцией. Какой домище у купца Каркадилова. — вот где школе быть, а они — в калавурку! Эх вы, — недоделанные!

3.

Вышли делегаты из калавурки, а навстречу к ним отпускник Ерцев-Перцев.

— Ну, приняли церкву? — спросил он.

— Ну, ее! — отмахнулись делегаты, — невдобная! Без отопляции! Будем у купца Каркадилова дом занимать. Там и печки, и все прочее.

— Что ж, — ответил отпускник, — отопляция это — имя существительное! Одобряю!

Купец Каркадилов принял делигацию хмуро и, выслушав ее, спросил:

— Это почему же вам мой дом пондравился?

— А потому самому, — отрезал ему Ефим Огородников, — что это нас касательно. Мы понимающие. Школа развалилась, а ты вона как живеш.

— Ежели школа развалилась, так ремонт делать надо.

— Ты нас не учи! Не учи ты нас! Сказано, будет школа и будет!

Видит Каркадилов, — несокрушимы делегаты, будто стена; пообмяк и гнусавит:

— Что ж, мужички, я и сам уйду. Я потому лишь препятствовал, что очень уж хотелось врагу своему досадить, дом ему на издевку продать, а мне в ем все равно не жить.

— Во, во! — передразнил его Софрон Пузя, — чего же тебе в нем не жить?

— Это я, — грит, — не скажу.

— А мы тебя в порядке дисциплины обвяжем! Говори в два счета!

Оглянулся Каркадилов по сторонам, сделал страшное лицо и зашептал:

— Черти в ем водятся. Как это ночь, так кто-то ходиииить по ем и все эттта стонет „душно мне, душно мне, дайте мне крове!“. И так это стонет, что хоть в петлю, со страху, лезь.

Как набросится тут на него Ефим Огородников:

— Так ты, дьявол толстопузый, хочешь такой дом под школу сплавить, рад детей наших перепортить? Так тебя, анафему, за это в холодную бросить мало!

Каркадилов в ноги:

— Простите! Сатана попутал!

Ну, что же, — видят, — искренне кается человек, даже слезу пущает.

— Хрен с тобой, глытай абож павук, живи дома, а не в холодной!

4.

— Ну? — нерешительно спросил Софрон Пузя когда делегаты снова очутились на улице, — куда же мы теперь?

— Быдто и некуда, — ответил Никита Наливкин.

— Не иначе, как идти к Ерцеву-Перцеву. Пущай он совет дает. Он кашу заварил, пущай он ее и расхлебывает.

Глядь, а он сам навстречу. И улыбающий.

— Ну, заняли?

Депутаты головами, то налево, то направо.

— Нет? Да почему же? Да отчего же?

Молчат депутаты. Порядок у них уже такой, чтобы зачинал все разговоры Ефим Огородников, а тому чевой-то про чертей сознаться стыдно. Собрался, наконец, Ефим с силой и говорит:

— Нельзя. К пивной близко. А пивная ребятам соблазн. И церква под боком. А она тоже соблазн, — и на делегатов посматривает, — ловко, дескать, я его кругом пальца обвел? Тут Ерцев-Перцев загорелся, тут он всякие слова, что можно даже добиться, чтобы пивную убрали да делегаты так на него за пивную посмотрели, что он и язык прикусил.

5.

Думал-думал Ерцев-Перцев, как же школу спасти, где для нее новое помещение отыскать, так ничего и не придумал. Видит народ, что хоть он и отпускник, да не все ему знать дадено. Позвали тогда деда Епенета Глистова, который все знает. Снял Епенет шапку, причесал седые, как лунь, волосы и говорит:

— Не иначе, детки, как надыть стенку в школе, которая валится, оглоблей подпереть. Оглобля, она двиствительна, она всеконечно! Она и год и два продержит стенку. Она все может!

Так и сделали. Сложились со двора по копейке, купили оглоблю на ярмарке и подперли ею стенку школы.

Евграф Дольский.

МЕЖДУ ДВУХ ЗАТЯЖЕК

— Гражданин, платите штраф: вы сейчас бросили на панель окурок.

— Ничего подобного! Я не бросил, я на минутку положил и сейчас докурю... Вот, глядите, я беру его и зажигаю...

СТАРАЯ ПРИЧИНА

— Почему увеличился тираж „Гудка“?
— Стрелочник виноват.

ПРОФ-РАБОТА

Где какая комиссия не создается, непременно полагается представитель ГСПС или губотдела союза, независимо от того, имеет ли работа комиссии отношение к вопросам труда. Рабочий день уходит на представительства.

(„Труд“).

Делигированного союзом металлистов на проф-работу тов. Сормина в губотделе встретили с распростертыми объятиями.

Испытующим взглядом окинули крепкую фигуру Сормина, пощупали (странно! для чего-бы это?!) мышцы на руках и ногах, постукали пальцем по груди и радостно заметили:

— Вы, товарищ, как будто созданы для намеченной работы!..

— Склонен думать, что да...—сказал удивленный Сормин:— Однако, при чем тут мои ноги, руки и грудь?

Весело рассмеялись.

— Ясно, при чем: при вас! И они вам принесут пользу. Ваш предшественник оказался совсем слабосильным. Представьте: он мог вынести только половину нагрузки, т.-е. пол-десятка комиссий в день—и то, бедняга, совершенно расхворался... А вы, с вашими природными данными... О! это другое дело!.. Берите записную книжку и отмечайте, где вам сегодня нужно быть, в качестве представителя от отдела...

Меньше, чем через пять минут, в книжке Сормина оказался следующий перечень комиссий:

1. по ремонту водопровода,
2. по санитарному обследованию бань,
3. ликвидационная в кооперативе „Мыло-квас“,
4. по исследованию Тибета,
5. по организации собачьей выставки,
6. по осмотру здания, угрожающего падением,
7. по приему сапог для 4-го района гормилиции,
8. по расчистке и перепланированию парка,
9. по борьбе с пожарами,
10. по сокращению комиссий.

После десятой, диктовавший устремил глаза в потолок.

— Гм!.. Не знаете ли вы сами еще какой нибудь комиссии? Сормин горько улыбнулся.

— А вот, где пишется: „прием на комиссию“.

— Чорт возьми! Вы правы Совершенно забыл. Пишите: „Комиссионная контора Посредник“. Ну-с? На сегодня хватит. Немедленно отправляйтесь.

— Во все одиннадцать комиссий?

— Во все одиннадцать!

— Но.. Что я там должен делать? Например, в Тибетской?

— Притти, снять шапку, объявить себя представителем и,— вспомнив тотчас, что в это же время вы должны быть еще в десяти комиссиях,—надеть шапку, уйти и спешить в собачью... Снова: притти, снять шапку... и так далее. Теперь вы понимаете, что крепкие мышцы—залог успеха!..

— Не объясните-ли, кстати,—какое отношение всё это имеет к вопросам труда?—мрачно спросил Сормин.

Искренно изумились.

— Какое отношение к вопросам труда?! Подождите, товарищ,—ваши ноги дадут вам знать, какой это—*нелегкий труд*.. Однако, не теряйте времени...

Сормин сунул книжку в карман и, в порядке проф-дисциплины, покатился по лестнице.

—в.

МАТ-РОСЫ

Рис. Ив. Малютина

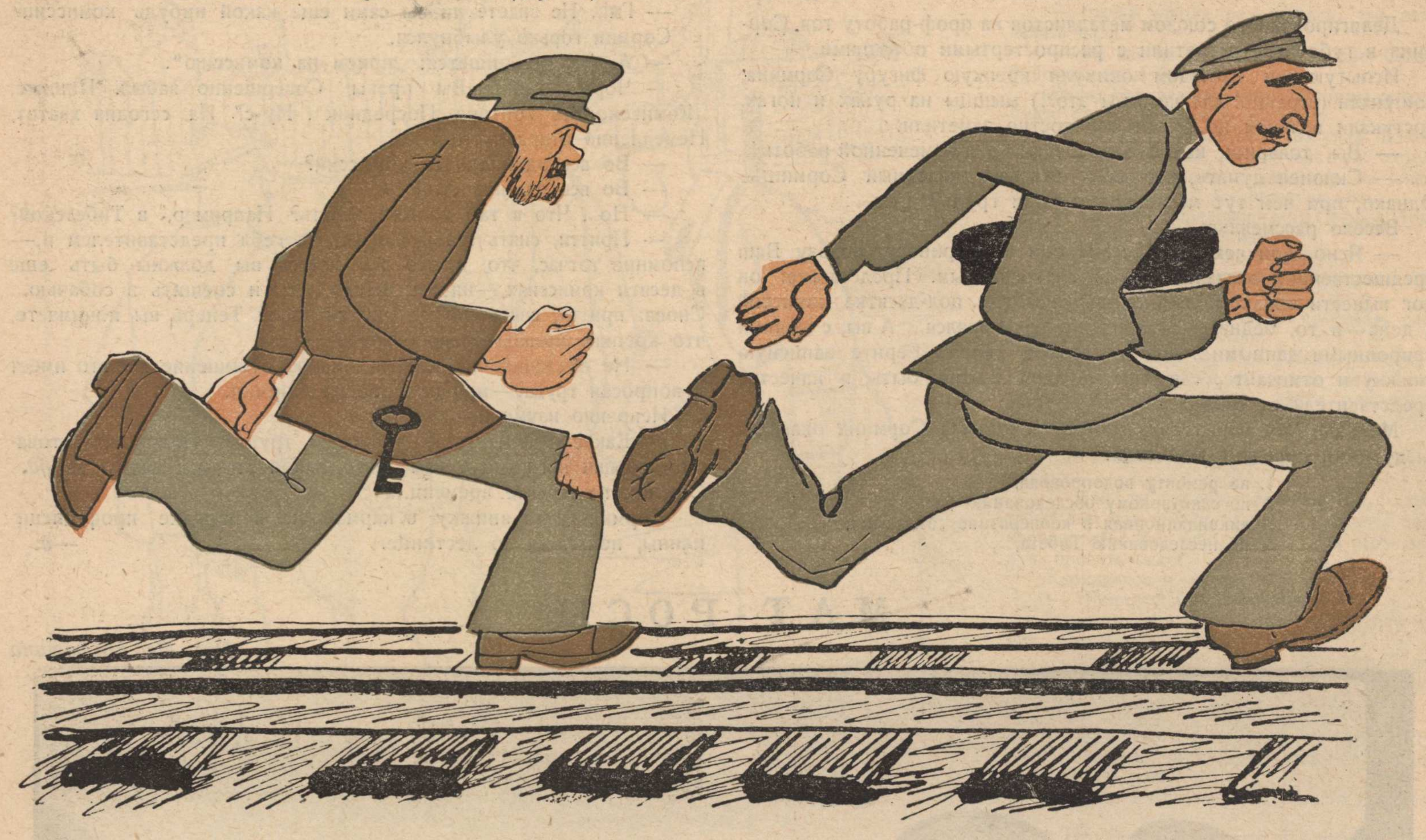

— Был я, братец ты мой, на берегу. Ну и пивная! Всю получку посадил на мель.
— Да, ну? А по виду ты больно трезвый.
— Трезвый и есть: на рупь выпил, остальное за сквернословие заплатил.

В ПОГОНЕ ЗА ЗАРПЛАТОЙ

Рабочие и служащие поста 322 версты, предупрежденные депешей со станции Корнево М.-К.-Вор. ж. д., прибыли к указанному сроку на пост, для получения жалования. Однако, плательщик уехал перед их носом. Служащие и рабочие бежали за платежным поездом 7 верст на ст. Коренево. *(„Гудок“).*

Рис. В. Козлинского

— Ах ты, мать честная! Ежели сейчас не нагоним, — пропало дело: на пятой версте зарплата под уклон пойдет...

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ИСАЙЯ НА РЕЛЬСАХ

Умеют же люди веселиться в провинции!

5 августа около 12 часов ночи, поезд № 3 прибыл на станцию Хасав-Юрт (Северо-Кавказск. ж. д.). Дежурного по станции не оказалось, а сидела одна телеграфистка. Наконец, приходит дежурный, важно выписывает путевку и дает распоряжение стрелочнику на выход. А публика в это время тщетно ищет билетного кассира.

Стрелочник, по распоряжению дежурного, дает третий звонок, и поезд уходит, на глазах у публики, так и не нашедшей кассира.

В чем же загвоздка? Оказывается —

Начальник станции справлял в это время свадьбу своей дочери и все движенцы гуляли на свадьбе, так что некогда было продавать билеты.

Еще бы! Свадьба, поди, один раз в год бывает, а поезда — каждый день. Для-ради торжества, можно было бы весь пассажирский поезд целиком пригласить: и машиниста, и кондукторскую бригаду, и пассажиров. И фонари с паровоза унести — для иллюминации.

— Гуляй, пей, танцуй! Третий звонок завтра дадим!

ПРЕРВАННЫЙ СОН

На этой Северо-Кавказской жел. дороге не везет поезду № 3, да и только!

6 августа поезд № 3 был задержан на станции Аргун на 40 минут, вследствие того, что дежурный спал.

Спал и всё тут. А почему спал, — корреспондент не пишет. Может, у дежурного произошло накануне какое-нибудь великое событие: может, он племянницу октябрил или на бабушкиной серебряной свадьбе гулял!

Выспаться человеку не дадут!

ЧЕРВИВОЕ

Пишут нам насчет червей:

Если зайти в мужскую уборную ст. Данилов, Сев. ж., д. и сделать что-нибудь, то, извините, вы должны сначала передавить десятки червей, которые выползывают и разгуливают по полу и стенам. Рабкор, зайдя в таковую и увидев там червей на полу и стенах, не придал им значения...

Но потом решил обратиться к агенту ТООГПУ и узнал, что —

агент неоднократно предлагал дорожному мастеру и начальнику станции озаботиться об устранении подобных явлений, но черви продолжают ползать. Очевидцем этих червей был я сам. (Рабкор 247).

Увы! Дорожный мастер и начальник станции — не рыбы: на червяка не ловятся. Нужно придумать другую приманку.

НОМЕРОМ ОШИБЛИСЬ

На станции Батраки (Самаро-Злат. ж. д), по сообщению рабкора № 1046, есть клуб и библиотека *имени III Интернационала.*

Но в клубе пусто, а в библиотеке нет ничего, кроме старых, потрепанных книг и журналов, конечно, без начала и конца, или с началом и концом, но без середины.

Батраки — без книг, а в Самарском учпрофсоже лежат книги, которые не использованы.

Номером ошиблись, братишки: при чем тут III Интернационал?

Если пусто и нет ничего, валяйте вывеску номером меньше: *„имени II Интернационала“.*

ИЗ ОХОТНИЧЬЕГО БЫТА

В рабочей казарме на ст. Инсар (Моск.-Каз. ж. д.) водится несметное количество крыс, клопов и тараканов: то съедят у рабочего последний кусок хлеба, то самого искусают.

Сидит рабочий по ночам и охотится на крыс. Охота очень занятная: и в лес не итти, и ружья не нужно, — на рыболовный крючок ловит.

Заметка заканчивается радушным приглашением:

ПД 7! Пора и тебе поохотиться на всякую живность в казарме, а то рабочие, увлекшись охотой, и работать на пути забудут. (Рабкор 598).

Обождите, ребята — не всё сразу. Повытаскивайте на крючок всех крыс, а тогда и этот самый ПД7 подоспеет — клопов и тараканов изживать. Главная задержка ему — выдумать такой крючок, на который и клоп, и таракан ловились бы.

БЕСПОКОЙНЫЕ ПАССАЖИРЫ

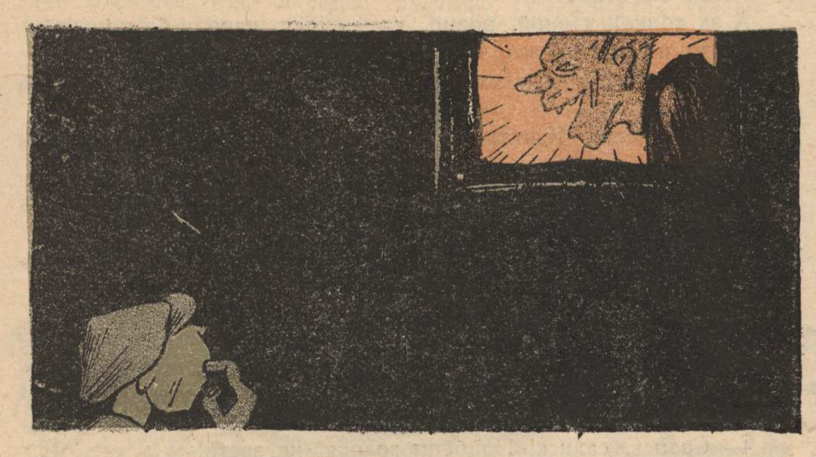
Рабкор Лихой рекомендует обратить внимание на следующую историю:

Издан приказ по Северо-Кавказскому округу путей сообщения о том, чтобы кондукторы пассажирских поездов объявляли пассажирам о станциях прибытия и о стоянке. Но приказ не исполняется. Был такой случай: 20 человек осетин ехали из Беслана до Серноводска и, вследствие непредупреждения ни проводником, ни кондуктором, доехали, вместо Серноводска, до станции Самашкинской. Началась ругань...

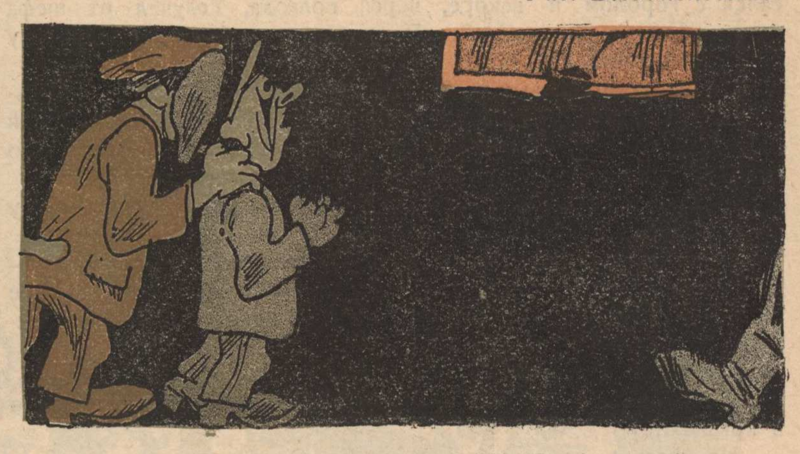
А чего, спрашивается, ругались? Никто не мешает — денег не требуют: сиди себе и езжай. Может, вокруг света задарма обернулись бы. Пользы своей не понимают!

ПРО ЛАРЧИК, ОТКРЫВАВШИЙСЯ ОЧЕНЬ ПРОСТО

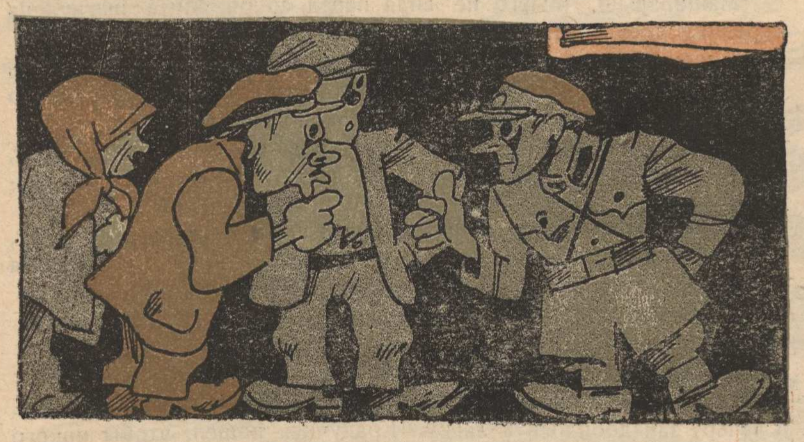
Рис. Б. Антоновского

1. Стемнело. Но освещено
Гостеприимное окно,
И привлекает взгляды всех
Сей заразительнейший смех.

2. Что ни момент — то шире рот.
— В чем суть? — дивуется народ.
— Не понимаем ничего!
Щекочет, что-ли — кто его?

3. Прохожий милиционер
Трактует факт на свой манер:
— Намедни выкрали милльон...
Здесь не замешан-ли и он?

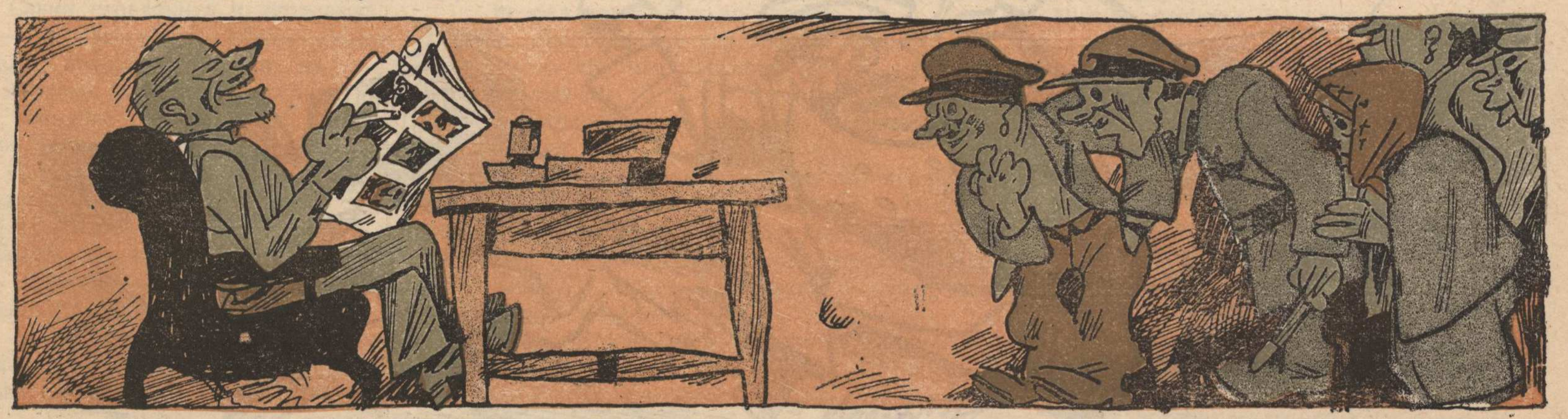
4. Старушка мямлит: — Узнаю
Смешливость юную свою!
Ах, без сомненья, вспомнил он,
Как был он молод и влюблен!

5. Солидный нэпман, в свой черед,
Глядит — и голос подает:
— Должно быть, нынче этот тип
На сотню — тысячу зашиб!

6. Все шире рот у молодца...
В толпе догадкам нет конца —
И любопытством сметена,
В квартиру ломится она.

7. И видит: кресло, стол, свеча,
Табак — и номер „СМЕХАЧА".

Вот разрешенье всех задач:
Смех? Ясно. Он читал „СМЕХАЧ".

АНТАНТА

Шкраб села Безонучьевки затеял в школе спектакль, списался с городом и вскоре, через полгода, получил от шефа пьесу „*Гибель капитала*“. В числе персонажей была, между прочим, Антанта.

Но с Антантой вышла заминка: не могли найти исполнительницу. Кинулись к Марфуше Притыкиной, молодой бойкой бабенке — больше не к кому было. А та, как узнала, что надо гримироваться под старуху, наотрез отказалась.

— Извольте, — говорит, — в натуре сыграю. А чтобы морду полосовать, — ни в жисть!..

— Дура ты! Несознательная! — нажимали на Марфушу: — Ты возьми в толк, — нешто согласуется с Антантой ядреное лицо, — кровь с молоком? Обязательно надо ей на морде капиталистические прыщи пустить!

Так и не уговорили Притыкину.

— У меня — говорит — свое самолюбие есть: не желаю в прыщах!..

На счастье, подвернулся Митя Скворцов.

— Чорт с ней, с дурехой! Не хочет, ненадо. Говорите, чего делать-то? Я буду Антанту сполнять. Сколько угодно.

И презрительно сплюнул.

— Ты?! За бабу?! В юбке?!

— А что же? Для агитации поперек капитала, завсегда готов!

Ну, готов, тем лучше!

Раздали актерам роли, и Митя Скворцов получил листок, — стихи, восемь строчек. Плевое дело. К утру следующего дня он уже вызубрил наизусть.

Начались репетиции. Спектакль был назначен на воскресенье через неделю.

Всю неделю Митя Скворцов ходил гоголем. В обращении переменился: актер, поди, а не просто!

Встретится с парнями, самокрутку выкурит и сейчас:

— Ну, робята, некогда с вами... Лепертиция у меня.

И важно уходил, провожаемый почтительными взглядами.

В день спектакля Безонучьевка зашевелилась.

Митя Скворцов проснулся ни свет, ни заря... И первым делом вспомнил, что он — Антанта, и что в шесть часов вечера придется выйти перед всеми на сцену. Жутковато стало: впервой, поди, как бы чего не приключилось.

До самого вечера ему было не по себе. Чем ближе к шести, тем больше. А почему такое, непонятно.

За два часа до начала актеры собрались в комнатушке шкраба. Шкраб, Семен Андреевич, самолично работал „за паликмахтера“: наклеивал мочальные бороды, размалевывал лица.

Митя Скворцов натянул юбку, а на голову напялил бумажный колпак с надписью: „Антанта“.

— А ты пройдись, — сказал Семен Андреевич, — как бы не запутался в бабьем подоле.

— Чего запутаться! — с деланной уверенностью возразил Митя, прошелся по комнате и, в самом деле, чуть-чуть не шлепнулся.

— Фу! Какая невдобная музыка... Скажи на милость!.. — обомлел он, а зубы сами собой лязгнули, словно от страха. И с чего бы, кажется?!

А за тонкой стеной, ровно, улей гудел: народу битком набилось; кто не поместился, стояли у раскрытых окон.

Наконец, все было готово. Шкраб прибежал и торопливо крикнул:

— Начинаем. Капиталист, помещик и Антанта — на сцену! Живей!

Митя Скворцов побелел и полумертвый, путаясь в юбке, пошел на сцену. Со страху, чуть не перекрестился.

— Становись на места! — командовал шкраб. — Михеич, давай третий... подымай занавес...

В руке школьного сторожа Михеича задребезжал звонок.

Занавес со скрипом пополз к потолку, открывая темный провал „зрительного зала“. Шум, смех и разговоры сразу оборвались, и только в задних рядах продолжалось движение и слышались окрики:

— Садись, садись! Подбери голову, не засти!

Но, вдруг, кто-то во весь голос сделал открытие:

— Гляди-ка, — Скворцов Митька в юбки-и! Хи-хи!

И зрители дружно загоготали.

Машинально, ничего не видя перед собой, Митя шагнул на середину сцены, наступил на подол и хлопнулся на-земь.

Бешеный смех хлынул на него из зала. Кое-как поднявшись, Митя раскрыл рот, но в голове был сумбур, язык, словно камень, не поворачивался. Ах, подвела подлая юбка!

— Начинай! Говори же! — волновался сбоку, за загородкой, Семен Андреевич: — „Я кровавая Антанта“... Ну-же, ну!.. „Я кровавая“...

Митя Скворцов растерянно и молча ворочал головой и, вдруг, неожиданно подобрал предательскую юбку выше колен и бросился опрометью со сцены. Зал дрогнул от одобрительного смеха.

— Ловко! Ловко отмочил! Ах, волк-те ешь!.. Ай, да Антанта!.. Стерва!.. Тю! Выметайся!..

— Пропал! Засмеют! — метнулось в Митиной голове.

На другой день ему совестно было нос показать из избы. К вечеру занадобилось в лавку. Крадучись пошел, чтобы никого не встретить, да, на грех, нарвался на целую компанию.

— Молодец, Митька, молодец! Не подкачал! — встретили его парни: — на обе лопатки поклал!

Митька смущенно отвел глаза, не зная, как понять их похвалу.

— Ей-богу, ловко! Форменная Антанта: и спотыкается, и без языка! Ежли тебе в город податься, — большие деньги зашибешь! Антист!

Митя понял, что зрители всерьез остались довольны, и сразу оправился.

— А что же? Для агитации завсегда готов! Плевое дело!

И презрительно сплюнул.

Ив. Прутков

РЕВИЗОР НА ОТДЫХЕ.

Рис. А. Радакова

Управление Сев.-Зап. ж. д. намерено упразднить штат железнодорожных ревизоров. Статистика показала, что количество „зайцев“ в настоящее время дошло до единичных случаев. („*Кр. Газета*“).

— Ваш-ш-ш билет!!.

ШКОЛЬНИКИ.

Школа в селе Нижне-Смородине Курской губ.—без дверей, без окон, печи поломаны. Тоже в селах: Куликово Тульской губ., Ракулка Сев.-Двинск. губ. и во многих других. Гибнут, разрушаются и расхищаются целые здания. (*Из газет*).

Рис. Н. Радлова.

— А вот, товарищ... Когда ваши ребята кончат школу...

— Постой!.. Да они, гляди, к вечеру кончат.

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ.

Сякин стоял перед начальником и, глотая от торопливости слова, говорил:

— Необходимо устроить выставку. Самогонку одной ловлей не искоренишь. Нужны предварительные меры, чтобы другие не заразбазарились, товарищ начальник. Видя выдающую борьбу с самогонкой, которая есть зло, и примененную кару, многие будут предупреждены и, вообще, взойдут в понятие...

Сякин смешался, вытер платком вспотевший лоб и умолк.

— Что же вы хотите делать?—с любопытством спросил начальник, поднимая голову от бумаги.

Сякин передохнул и продолжал:

— У нас сейчас собрано свыше четырехсот аппаратов. Если их выставить в порядке развития самогона, принимая во внимание технику, то выйдет даже очень замечательная вещь.

Поучительное зрелище. Над каждым аппаратом будет ярлык: номер предмета, деревня, владелец, когда отобрано, и какое понес наказание...

— Н-да!..—сказал начальник. Любопытно... А дорого это обойдется?

— Ничего не обойдется!—захлебнулся Сякин. Пояснения, если позволите, я давать буду.

— Ну, делайте,—сказал начальник.

И Сякин приступил к делу.

—

Первые дни выставка посещалась слабо.

Зато через четыре-пять дней помещение ломилось от любопытных.

Мужики и бабы вели себя чинно, словно в церкви: ходили на цыпочках, говорили вполголоса, затаенно вздыхали. Сякин, бывавший в музеях, ходил сзади и строго одергивал:

— Руками не трогать!

Почему не трогать—он и сам не знал толком, но так выходило торжественней, словно на настоящей выставке.

Ежедневно публика менялась, но были и постоянные посетители и среди них Сякин заприметил щуплого мужиченку с белыми бровями, который дня четыре подряд толкался у аппаратов.

Любопытство его льстило Сякину.

— Ну, что? Интересуешься?—спросил он как-то.

Мужиченка заморгал веснущатыми веками

— Скажи, мил-человек, до чего народ все произошел! Эка сволочь—народ!.. И все, мил-человек, для вредности, для для отравы... Трубочки, втулки, стеклышко градус оказывает... Неужто-ж с него и гонют?

— А как же! — улыбнулся Сякин: — Разве не видел?

— Куды, сынок!.. Мы непьющие. И отец, можно сказать, не пил, и дед не пил. Ах ты, механика какая!.. Ах, еж-те в зубы!

Ну, и народ пошел, царица моя небесная... А это что-ж?

Мужиченка вытянул палец и ткнул в приспособленный к аппарату примус. Сякин объяснил.

— Неужто-ж такую штуку в городу у вас продают слободно?..

Мужик покачал головой.

— Принус, говоришь, называется?.. Ах, дурманют народ!..

— Верно, отец!—обрадовался Сякин.— Сюда вот наливают бензин...

— Бензин?!.. Скажи на милость...

— Да... А сюда вот...

Сякин долго объяснял мужику устройство аппарата и даже позволил руками потрогать „крантик".

Мужик приседал на корточки, заглядывал снизу, крякал.

—

Через месяц Сякин шел по корридору. На скамейке сидел знакомый мужиченка и жевал хлеб.

— Ты что здесь?

Тот встал и скосил глаза на пол.

— С аппаратом представили... Ей-богу, для себя гнал, потому праздник, престол у нас Флоры-Лавры, лошадиный праздник. А насчет крантику у мене не вышло: текёт сволота... А продукта первеющая, быка свалит...

Сякин повернулся на каблуках и вышел вон.

Р. Волженин

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 14.182. Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград. Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

Рис. Н. Радлова.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СПЕЦ-ОДЕЖДЫ.

Нередко спец-одежда лежит на складах без употребления, из за канцелярской волокиты

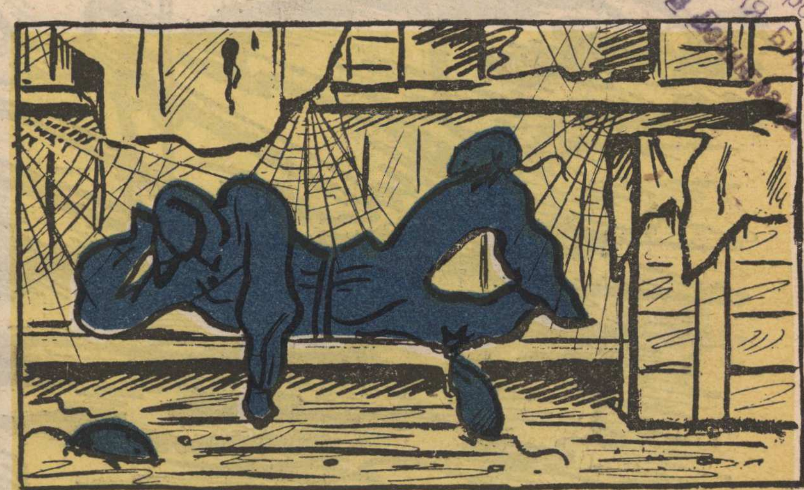
— Какова внешность?! Восторг! Прямо с иголочки! Ну-с, теперь—к рабочим!

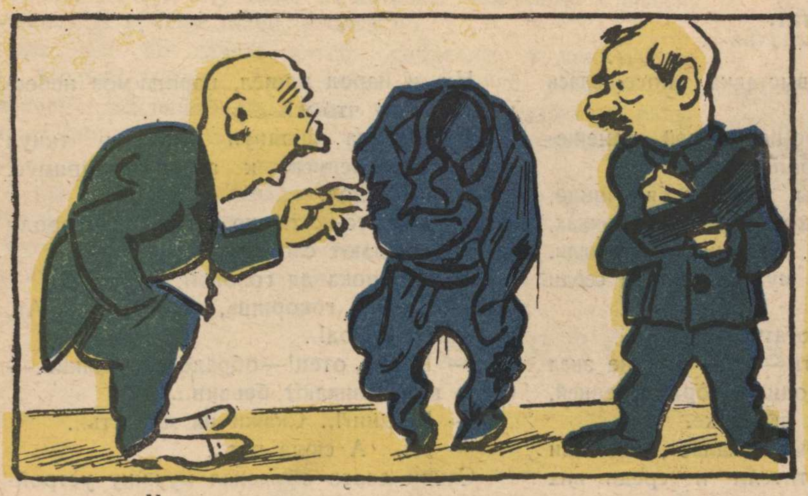
— Гм! Ваше име-фамилие? Спец-одежда? Запишем. Направим. В склад.

—Бррр... Промокла до последней нитки... Крючки лязгают от холода... Эй! Где же заведывающий?!

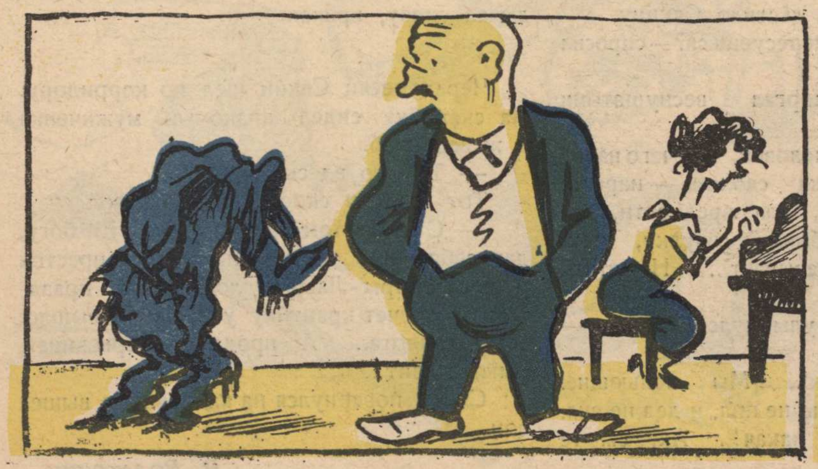
— Ах! Из одной крайности в другую... Высохла... бока отлежала... трещу по швам... кто-то пищит в моей штанине...

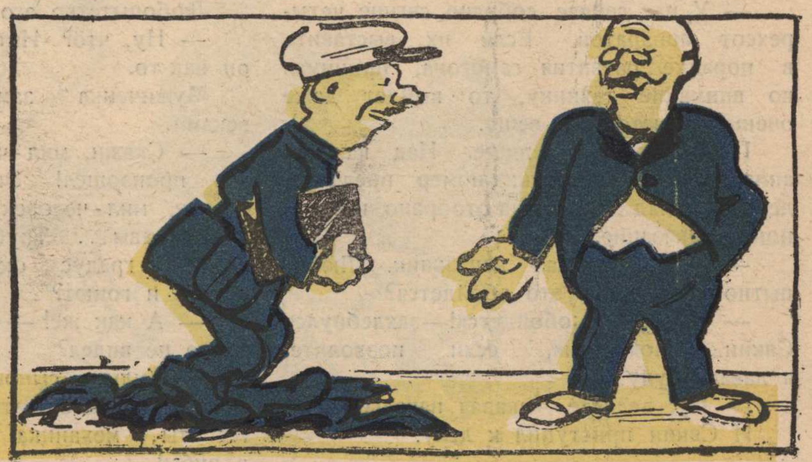
— „Что вы смотрите так подозрительно на заплаты одежды моей"?... Что?! В рай-склад?!. Пощадите!..

— Опять одна... опять кругом все та-же ночь и мрак унылый, и я в раздумьи роковом... начинаю пахнуть керосином и дегтем.

— Из...из...вините за навязчивость... товарищ Зав... Когда-же меня используют? Осмеливаюсь напомнить... Разлезаюсь в общем и целом...

— Новая партия спец-одежды?! Отлично, Иван Карпыч Вытирайте ноги, и пойдем в кабинет.

Сияющий Иван Карпыч зашаркал ногами, не слыша радостного писка под подошвами:

— Наконец-то и я использована!